

Вообще-то Цзи Цинцы вовсе не собирался мучить его. Просто поиск новой домработницы тоже требует времени. Это же не такси — нельзя щёлкнуть пальцами и тут же получить человека у дверей.

Так что пока домашние дела придётся делать Сяо Линъюю. Кто умеет — тот и работает больше.

К тому же Сяо Линъюй — зять-примак, а он, Цзи Цинцы, вообще-то хозяин дома.

Закончив разговор, Цзи Цинцы вернулся в спальню.

Он думал, что на новом месте не сможет уснуть, но оказалось, зря переживал: едва коснулся кровати — сразу отключился, и хоть гром греми.

Цзи Цинцы списал это на собственную беззаботность.

...

На следующее утро.

Цзи Цинцы в шёлковой пижаме выглядел сонным. Он широко зевнул и сладко потянулся.

Попасть в другой мир — ужасно, зато нынешняя комфортная жизнь была вполне настоящей. Мягкая кровать просто воплощала все его мечты. Хотелось лежать на ней вечно и вообще не вставать.

Кстати, почему вместе с переселением ему не досталось какой-нибудь Системы?

У всех попаданцев обычно есть Система.

Он-то думал, что сможет с её помощью развернуться и перевернуть судьбу. А теперь как ему проявлять себя?

Сяо Линъюй с самого утра ушёл на пробежку.

Не зря он сильнейший зять-примак — вот это дисциплина.

Цзи Цинцы мысленно выразил уважение.

Вчера он выгнал человека, который издевался над Сяо Линъюем. Сегодня тот хотя бы как-то должен отблагодарить его, верно? Не обязательно падать в ноги от благодарности, но принести

что-нибудь вполне можно. Например, купить завтрак.

Сам Цзи Цинцы готовить не умел. И дело было не в лени — он правда пытался, но однажды едва не устроил пожар и с сожалением завершил кулинарную карьеру.

Кажется, в книге не говорилось, умеет ли готовить главный герой. Может, заставить Сяо Линьюя?

Цзи Цинцы задумался.

В следующую секунду Сяо Линьюй открыл дверь и вошёл.

Первым делом Цзи Цинцы посмотрел на его руки.

Пусто.

Ни единого следа завтрака.

Лицо Цзи Цинцы тут же вытянулось, демонстрируя явное недовольство.

По крайней мере Сяо Линьюй видел именно это: Цзи Цинцы в пижаме сидел, скрестив ноги, на дорогом диване ручной работы, а на его белом, пронзительно красивом лице было написано, что он сейчас обязательно найдёт повод придраться.

Сяо Линьюй для начала задумался, не сделал ли он чего-то плохого.

Стоп. С чего вообще ему размышлять об этом? Он ничего не сделал.

Цзи Цинцы пошёл в атаку:

— Почему ты не приготовил мне завтрак?!

Вот же капризное создание.

Сяо Линьюй мысленно проворчал, но снаружи оставался совершенно спокойным:

— Я не умею готовить.

— Не умеешь — учись! Или мне готовить для тебя? И если уж не умеешь, не мог купить

готовый завтрак? Такой высокий вырос, а всё питание, похоже, ушло только в мышцы!

Сяо Линьюй смотрел, как Цзи Цинцы, будто разозлившийся пушистый кот, яростно мяукает на него, и презрительно усмехнулся краешком губ.

— Я уже поел.

Он перекусил во время утренней пробежки и о Цзи Цинцы, оставшемся дома, не подумал. Точнее, попросту забыл, что тот вообще дома.

Услышав это, Цзи Цинцы разозлился ещё сильнее:

— Что?! Ты ел один и со мной не поделился!

Он ещё не успел перейти к ругани, как Сяо Линьюй нанёс упреждающий удар:

— Моих денег хватает на еду только для одного человека.

Все слова застряли у Цзи Цинцы во рту.

— А?

— У меня нет денег.

Всего четыре слова — и Цзи Цинцы сразу вспомнил предысторию. По сюжету Сяо Линьюй считался сиротой. Прадед Цзи Цинцы оценил его по достоинству и дал ему возможность вступить в брак с кем-то из семьи Цзи. Но никто из Цзи не хотел связываться с бедным мальчишкой, и в итоге брачный договор спихнули на семейного бездельника — то есть на прежнего владельца этого тела.

Вскоре после свадьбы прадед умер, Сяо Линьюй лишился единственной опоры, и его положение в семье Цзи стало ещё хуже. Раньше ему выплачивали зарплату, но её перестали выдавать, так что жить и тратить на себя он мог только на деньги, которые давал прежний Цзи Цинцы. А тот смотрел на Сяо Линьюя сверху вниз, к тому же был вечно занят развлечениями, поэтому выдавал всего по пятьсот юаней в месяц — и то нерегулярно.

Сяо Линьюй всё это молча терпел. Обычно он ел дома. Тётушка Чжан кормила его лишь остатками, но хотя бы можно было набить желудок и выжить.

Если посчитать, деньги на жизнь ему не давали уже почти два месяца. Так что слова Сяо Линьюя о полном безденежье были чистой правдой.

Цзи Цинцы резко втянул воздух. До переселения одна его трапеза могла стоять больше тысячи юаней. Такие суммы он просто не привык воспринимать как реальные деньги на жизнь. Что за человеческая трагедия?

Ему даже стало немного жалко Сяо Линьюя. С такой нищетой тот что, каждый день кору с деревьев грызёт? Цзи Цинцы посмотрел на него с сочувствием.

От этого взгляда у Сяо Линьюя аж кожа на голове зачесалась. Кто знает, какую странность опять придумал этот дурак.

Цзи Цинцы убрал жалостливое выражение и великодушно перевёл Сяо Линьюю две тысячи юаней.

— Это тебе на карманные расходы.

Сяо Линьюй с недоумением принял перевод, а Цзи Цинцы продолжил:

— Только это не значит, что можно транжирить. С сегодняшнего дня будешь учиться готовить. Каждый день нам будут привозить продукты, а ты отвечаешь за мои три приёма пищи.

Сяо Линьюй замер. Судя по этим словам, Цзи Цинцы собирался жить здесь постоянно?

Разве он не ненавидел этот брак? Раньше предпочитал искать развлечения на стороне, лишь бы лишний раз не смотреть на Сяо Линьюя.

Но со вчерашнего дня Цзи Цинцы вёл себя неправильно. Он не мог вернуться домой всего из-за одного телефонного звонка, а уж тем более не мог выдать ему такую большую сумму на карманные расходы.

Что с ним случилось?

— Что ты любишь есть? — спросил Сяо Линьюй.

Увидев, что тот понимает намёки с полуслова, Цзи Цинцы удовлетворённо кивнул.

— Люблю острое, но не слишком. Не ем зелёный лук и кинзу. Не ем рыбу с костями. Не ем ничего в раковинах или панцирях, так что заранее всё очищай. Сладкий перец не люблю — ни кусочка не должно быть...

Цзи Цинцы выдал длинейший список. Сяо Линьюй молчал.

— Аллергий у меня нет, так что в остальном можешь импровизировать.

Цзи Цинцы поднялся и, увидев, что Сяо Линъюй стоит столбом, спросил:

— Что-нибудь ещё непонятно? Ты вообще всё запомнил?

Сяо Линъюй развернулся и пошёл на кухню. По его уверенному виду Цзи Цинцы решил, что тот полностью уверен в своих силах. И сам он тоже верил в Сяо Линъюя: всё-таки главный герой. Сяо — его фамилия, а всемогущество — судьба.

Через десять минут.

Цзи Цинцы смотрел на неизвестную чёрную субстанцию на тарелке, и перед глазами у него тоже начинало темнеть.

Что это?

Биологическое оружие?

Сяо Линъюй холодно сказал:

— Лучше не получится. Ешь, если хочешь.

Цзи Цинцы подавил желание перевернуть тарелку и выдавил улыбку:

— Мне ещё и поблагодарить тебя надо?

Весь вид Сяо Линъюя говорил: «А разве нет?»

Вообще-то когда человек очень злится, он действительно может улыбаться.

Цзи Цинцы улыбнулся.

Две минуты спустя.

Сяо Линъюй с почерневшим лицом передел одежду, испачканную сгоревшей едой, и снова стоял у плиты, пытаясь пожарить яйцо.

Вот же тяжело угодить этому дураку. Когда испытание закончится, он обязательно скормит

Цзи Цинцы сто порций еды собственного приготовления и заставит доесть всё до конца. Не справится — пожалеет!

Сам Цзи Цинцы не знал, что в воображении Сяо Линъюя уже сидит с круглым набитым животом и со слезами умоляет о пощаде. Он, словно нарядная бабочка, с удовольствием переодевался, собираясь взять Сяо Линъюя с собой в корпорацию Цзи — выбивать зарплату.

<http://bllate.org/book/20588/2058688>